

— Матушка, ты только посмотри на них! Оба якшаются с этой дрянью... — Чжао Цзи не сдержала гневного ропота, провожая взглядом уезжающий экипаж.

Чжао Сун-ши торопливо зажала ей рот ладонью:

— Помолчи! При чём тут молодой господин? Его и близко не видно.

— Да в том-то и беда, что его нет! — Чжао Цзи упрямо дернула плечом. — Эта девка наверняка так его заездила, что у него и сил подняться не осталось.

— Ну что за похабщину ты несешь? — с досадой зашептала Чжао Сун-ши, сокрушаясь о глупости дочери. — Кого бы молодой господин ни пожелал приблизить, не твоего ума это дело. Прекрати сейчас же!

Познавшая немало горя в жизни, женщина больше всего на свете боялась, что дочь разгневет супруга и повторит ее собственную незавидную долю.

Чжао Цзи злобно уставилась на шедший впереди экипаж, но под настойчивым натиском матери всё же притихла. В бессильной ярости она принялась остервенело тереть свой округлившийся живот и вдруг, не совладав с собой, с силой ударила себя по лону. Боль обожгла изнутри, так что из глаз брызнули слезы.

Ин Ижэнь, сидевший в переднем экипаже, и понятия не имел, о чём судачат его спутницы.

Разумеется, коротать долгий путь вдвоем с Люй Бувэем за пустой болтовней не приходилось — они всё же спасали свои шкуры, а не раскатывали на загородной прогулке, — однако и простое молчание навевало тоску. Скука невольно отразилась на лице Ин Ижэня.

Заметив это, Люй Бувэй так и просиял. С ловкостью заправского фокусника он вытащил из потайного ящика в обшивке экипажа увесистый свиток бамбуковых дощечек и торжественно, словно бесценное сокровище, протянул его Ин Ижэню.

Ин Ижэнь принял бамбуковые дощечки, и взгляд его мгновенно оживился, а на губах заиграла искренняя улыбка.

Люй Бувэй, жадно ловивший каждое движение его лица, довольно усмехнулся. Вернувшись на свое место, он с прежним пылом погрузился в подсчет прибылей от нынешнего торгового предприятия.

На какое-то время под сводами повозки воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным перестуком копыт и поскрипыванием колес. Каждый был занят своим делом, однако Люй Бувэю казалось, что между ними протянулась незримая нить безмолвного согласия. Это чувство согревало душу, прогоняя прочь тревоги о превратностях их опасного пути.

Люй Бувэй вызволил семейство Цзычу из Ханьдани на удивление легко.

Перед самыми воротами он как ни в чем не бывало перебросился парой слов со знакомым караульным, незаметно сунул ему увесистый кошель с монетами, и дорога перед ними открылась сама собой.

Купцы, пускавшиеся в дальние странствия, наживали свои несметные богатства не только на разнице цен, но и на тайном провозе запрещенных товаров. Стоило чжаоскому стражнику ощутить приятную тяжесть медных кругляшей в ладони, как на его лице проступило многозначительное понимание: мол, дело житейское, все мы люди. Он даже не подумал заглянуть внутрь повозок — лишь небрежно махнул рукой и приказал открыть ворота.

С тех пор как Гунсунь Цянь вернулся с пирушки у Люй Бувэя, прихватив с собой полдюжины обольстительных плясуний, его жизнь превратилась в нескончаемый угар. Юные девы были ласковы, ненасытны и льнули к нему, точно хмель к забору. Рачительный хозяин не мог позволить ни одной из них скучать в одиночестве. Он усердствовал без отдыха, пока его былая мужская удаль не испарилась без остатка, а сам он не истратил последние силы.

Всего за два-три месяца и без того сухопарый чиновник превратился в живую мумию, из которой выжали все соки — теперь он едва находил в себе силы сползти с постели.

Красавицы старались вовсю не только ради золота, обещанного им Люй Бувэем, но и в надежде обрести надежного покровителя до конца своих дней. Однако, увидев, что их благодетель уже стоит одной ногой в могиле, они не на шутку перепугались. Самые хваткие и вовсе не стали дожидаться развязки: набив сундучки господским добром и прихватив с собой молодых да крепких слуг, они преспокойно сбежали из усадьбы.

Беда пришла откуда не ждали. Управляющий усадьбы оказался человеком на редкость дотошным и исполнительным. Вместо того чтобы замать срамное дело и уберечь репутацию хозяина, он, недолго думая, прямиком отправился к городскому судье.

Стражники сработали оперативно: беглянок, обвиненных в краже имущества Офицера Гунсуня, повязали в два счета. Заодно о случившемся известили и законную супругу почтенного мужа.

И тут разверзлась преисподняя.

Госпожа Гунсунь, безмятежно гостившая у родни, от подобных новостей едва не лишилась чувств от ярости. Велев немедленно запрягать повозку, она вихрем примчалась в усадьбу. Первым делом разъяренная хозяйка приказала забить насмерть тех девок, что не успели сбежать, и лишь утолив первую жажду мести, соизволила вспомнить о супруге.

Гунсунь Цянь к тому времени едва дышал, испуская дух. Но какими бы бурными ни были его недавние утхи, супругов связывали долгие годы совместной жизни. При виде угасающего мужа гнев госпожи Гунсунь сменился горькой жалостью. Глотая слезы, она принялась преданно выхаживать непутёвого супруга.

Гунсунь Цянь оказался живуч: заглянув в чертоги Диюй, он всё же ухитрился выкарабкаться с того света и пошел на поправку.

К тому дню, когда Люй Бувэй явился проститься перед отъездом из Ханьдани, Гунсунь Цянь уже мог самостоятельно подниматься с постели и с чужой помощью совершать небольшие прогулки. И едва за великим торговцем закрылись двери, как чиновник спохватился: он ведь совсем позабыл о вверенном ему Наследном принце Цинь.

Немного поразмыслив, он негромко проговорил жене:

— Душа у меня не на месте из-за этого Наследного принца Цинь, дорогая. Человек он, конечно, мягкотелый, безвольный, но по крайней мере тихий. За все годы, что я за ним надзираю, он ни разу не доставил мне хлопот.

Супруга смерила его презрительным взглядом и процедила:

— Опять, небось, мощна опустела? На девок да вино не хватает?

Гунсунь Цянь заискивающе улыбнулся и поспешил зайти к ней со спины. В его прищуренных глазах блеснул алчный огонек.

— Этот безродный торгаш Люй Бувэй так усердно увивался вокруг меня, думая, что я не разгадаю его умысел, — заговорщически зашептал он ей на ухо. — А ведь ему просто нужен был выход на Ин Ижэня. В Царстве Цинь сильна Школа Легизма, там купцов и за людей не считают, вот Люй Бувэй и надеялся через Наследного принца Цинь проложить дорогу своей торговле. Теперь он спешно покидает Царство Чжао — верный знак, что держит путь на запад. Уверен, он оставил нашему заложнику немало золота. Дорогая, ну... ты же сама понимаешь. Я по глупости растратил изрядную долю наших сбережений. А этот Ижэнь здесь один-одинешенек, его жизнь целиком зависит от моего доброго слова перед чжао-ваном. Так почему бы не потребовать с него малую толику за покровительство?

Госпожа Гунсунь на миг задумалась, а затем покачала головой:

— Разумно ли это? Всё же Ин Ижэнь — царской крови. Царство Цинь набирает силу. Если наступит день, когда он вернется на родину и вспомнит, как мы его притесняли, не навлечем ли мы на свои головы беду?

Гунсунь Цянь пренебрежительно махнул рукой и скривился в усмешке:

— О чём ты говоришь, жена! Циньская армия уже у наших ворот. На что этому бедолаге надеяться? Его со дня на день казнят, чтобы окропить кровью боевые знамена! Лучше нам прибрать к рукам всё его золото, пока Правитель государства Чжао не отдал приказ об аресте. Не то всё достанется другим стервятникам.

Он хотел было рассмеяться собственной деловитости, но супруга так больно ущипнула его за руку, что он взвизгнул. Гунсунь Цянь уже открыл рот, чтобы обругать ее, но осёкся, увидев, как мертвенно побледнело её лицо.

— Дорогая, что с тобой? — испуганно пробормотал он.

Она мертвой хваткой вцепилась в его пальцы. Её колотила крупная дрожь.

— Неужели... неужели это чудовище Бай Ци снова ведёт войско на Ханьдань? — едва выдавила она побелевшими губами.

При упоминании этого имени лицо Гунсунь Цяня тоже мгновенно утратило всякие краски. Лишь спустя долгую минуту он выдавил из себя вымученную улыбку:

— Богатство — дело наживное... Я... я прямо сейчас велю отправить часть припасов молодому господину Ижэню. Вдруг он в чём-то нуждается?

Но эти слова ничуть не успокоили госпожу Гунсунь. Ужас ледяной змеей заполз ей в душу.

После великой битвы при Чанпине, где этот безжалостный бог войны заживо закопал сорок десятков тысяч сдавшихся в плен чжаосцев, Ханьдань погрузился в бесконечный траур. Месяцами в городе не утихал погребальный плач: отцы оплакивали сыновей, жены — мужей, сироты — родителей. Одно лишь воспоминание о тех черных днях заставляло кровь стыть в жилах.

И хотя каждый житель Чжао при упоминании Бай Ци клялся разорвать его на куски и сожрать его плоть, этот гнев не мог скрыть первобытного, парализующего страха. Появись это чудовище у ворот Ханьданя — и самые отважные воины растеряли бы всё свое мужество.

— Окаянный! — взывала женщина, не выдержав давящего ужаса. — Признавайся, сколько раз ты урезал содержание принца Ижэня?! Если циньцы ворвутся в город, они вырежут нас первыми! Ты погубишь всю нашу семью!

Она мертвой хваткой вцепилась в ворот халата супруга и принялась неистово колотить его кулаками в грудь.

Гунсунь Цянь и сам стоял ни жив ни мертв, словно на него обрушился небосвод. Он безвольно сносил побои разбушевавшейся жены и лишь спустя какое-то время, едва не плача, крикнул слугам:

— Эй, кто-нибудь! Живо соберите всё золото и драгоценности, что есть в доме! Через пару дней я сам отвезу их молодому господину Ижэню и буду на коленях умолять о прощении!

— Постой! Нет! — истошно взвизгнула супруга, хватая его за рукав. Глаза её лихорадочно блестели. — Давай подождем! А вдруг войско ведет не этот дьявол? Вдруг великий генерал Лянь По сумеет сдержать натиск? Подождем немного, а там видно будет!

— Да какой толк будет потом?! — в отчаянии оттолкнул её Гунсунь Цянь.

Женщина вскочила с пола и закричала еще громче:

— А думаешь, если ты сейчас притащишь ему все наши сундуки, это поможет?! Он что, потвоему, круглый дурак и не поймет, с чего вдруг ты воспылал к нему такой щедростью?!

Гунсунь Цянь замер, пораженный её словами. Супруги обнялись и горько разрыдались, точно циньская армия, которая в действительности была еще далеко, уже сокрушила стены Ханьдани и грабила их усадьбу.

Пока они оплакивали свою горькую долю, в дверях неслышно вырос управляющий.

— Господин, госпожа, — негромко доложил он. — У ворот просит аудиенции девица в зеленых одеждах. Называется Люйцяо. Говорит, что она служанка, которую великий купец Люй Бувэй приставил к принцу Ижэню.

Гунсунь Цяню случалось видеть эту миловидную служанку в резиденции заложника. И без того терзаемый страхом, он при этой вести покачнулся и едва не рухнул на пол.

— Впусти ее... — дрожащим голосом приказал он, сиюсь сохранить остатки достоинства. — Да поприветливее! Гляди, не вздумай грубить ей!

— Будет исполнено, господин, — ответил управляющий и поспешил к воротам.

Когда Люйцяо вошла в покой, Гунсунь Цянь так и застыл с разинутым ртом. Перед ним предстала оборванная, изможденная девица. От ее прежней девичьей красоты не осталось и следа: из-под грязного, расплзающегося по швам тряпья виднелись босые исцарапанные ноги,

а слипшиеся пыльные волосы запутались в колтуны.

Чиновник торопливо подошел к ней и, нахмурившись, спросил:

— Что случилось? Неужели стража в резиденции совсем от рук отбилась и лишила вас пропитания?

Слезы градом покатались по испачканному лицу девушки, оставляя чистые дорожки на серых от пыли щеках. Люйцяо прижала ладони к едва округлившемуся животу и, давась рыданиями, выдохнула:

— Чиновник Чжао... умоляю вас, найдите молодого господина! Люй Бувэй... этот коварный торговец подбил его на побег! Они уже покинули Ханьдань!

— Что-о-о?! — взвыл Гунсунь Цянь, бледнея пуще прежнего.

В ярости он схватил Люйцяо за плечи и грубо потряхнул:

— Да как такое возможно?! В резиденции круглосуточно дежурит сотня отборных стражников! Неужели эта орава олухов упустила из виду одного чахлого юнца, который и меч-то в руках держать не умеет?!

Девушка лишь безутешно плакала, опустив голову:

— Клянусь вам, это правда... Если вы немедленно не отправите за ними погоню, след их простынет!

Гунсунь Цянь отшвырнул девицу в сторону.

— Я немедленно еду во дворец, к Правителю государства Чжао! — бросил он бледной как смерть жене. — Наведи тут порядок!

Супруга лишь безмолвно кивнула. Чиновник даже не стал переодеваться в парадный халат — как был, в домашних туфлях на босу ногу, он сломя голову вылетел из ворот.

Госпожа Гунсунь проводила мужа взглядом, а затем медленно повернулась к Люйцяо. Её холодный взор скользнул по едва заметному животу служанки. Поджав губы, она не проронила ни слова.

В эти смутные времена разбойники шныряли по всем дорогам Поднебесной. Люй Бувэй, хоть и спешил увести Ин Ижэня подальше от опасности, не поскупился на охрану. Вдоль карет ехали несколько десятков его личных наемников — дюжих, широкоплечих молодцов. С таким эскортом за жизнь можно было не опасаться, однако тяжелый обоз полз удручающе медленно.

Люй Бувэй позволял себе столь неспешный ход лишь потому, что просчитал всё до мелочей. Он вовсе не был безрассудным храбрецом и отлично понимал, что грозит им в случае поимки. Но великий купец не мог предвидеть одного: его безупречный план, который должен был выиграть им несколько дней форы, рассыплется в прах из-за ревности брошенной служанки.

Пока повозки медленно катили по пыльному тракту, из южных ворот Ханьдэня уже вылетел конный отряд чжаоских гвардейцев. Закованные в броню всадники, сжимая копыя, во весь опор неслись по их следу.

<http://bllate.org/book/18277/1750283>